

сателей, его современников: Тургенева, Толстого, Анненкова, Некрасова, Михайловского, Плещеева, Успенского, Чернышевского, Добролюбова, Слепцова, Решетникова и друг.

В изобилии в письмах горькие жалобы русского писателя на гнет и неистовство цензуры. «Человек, повитый и воспитанный цензурой» — говорит Салтыков о Некрасове и развивает эту мысль, с горечью говоря о себе: «если мои вещи иногда страдают раздвоенностью, то причина этого очень ясная: я — Эзоп и воспитанник цензурного ведомства».

«Я — литератор до мозга костей» — характеризует себя Салтыков, оставивший сыну своему, как известно, завещание «паче всего любить русскую литературу и звание литератора предпочитать всякому другому». Любопытно краткое, в одну строку, письмо Салтыкова в комитет Литературного фонда с предложением в члены своего восьмилетнего сына, который, действительно, и был избран. «Таким образом, — замечает комментатор, — перед нами любопытный образчик соединения старо-дворянских традиций, согласно которым было принято записывать сыновей в гвардейские полки чуть ли не со дня рождения, и радикально-народнического преклонения перед русской литературой».

Изданы письма очень тщательно (по подлинникам, с соблюдением всех особенностей орфографии Салтыкова) и снабжены краткими и вместе с тем обстоятельными примечаниями, указателем имен и адресатов. Кроме того, приложен перечень ранее напечатанных писем Салтыкова и даны три редких его портрета.

Н. Ашукин.

В. Комарович. Достоевский. Издание т-ва «Образование». Ленинград 1925. 64 стр. Ц. 40 коп.

Не скажу, чтобы книжка произвела яркое впечатление.

Написана она молодым, но продуктивным, осведомленным и чутким исследователем, опубликовавшим десятки ценных работ о Достоевском и по биографии, и по изучению текстов, и по идеографии, и по приемам творчества. С другой стороны, книжка включена в серию «Совре-

менные проблемы историко-литературного изучения», — стало-быть, обязывалась подвести точные итоги прежней литературе о Достоевском и твердо определить задачи дальнейших изысканий. И то и другое одинаково своевременно и полезно. Прежняя литература обширна и очень пестра: много хорошего, крупного, но много и всякой дребедени. Толковый путеводитель по ней как нельзя более уместен. А затем замечательные новейшие публикации поэтических текстов и писем Достоевского, воспоминаний и дневников его жены Анны Григорьевны, и других документов и наряду с этим огромный сдвиг в наших общих научно-исторических взглядах и методах, совершающийся теперь, — все это требует нового пересмотра художественного наследия Достоевского и его исторической значимости. Ни Гончаров, ни Тургенев, ни Толстой не имеют теперь такой актуальности, как именно Достоевский, и его огромное влияние на Западе, как и напряженное внимание к нему в Советской России — об этом красноречиво свидетельствуют. Существенно важно поэтому осознать и формулировать проблемы и методы новых исследований, учтя все приобретения нашего времени.

Ни итоги, ни проблемы не установлены в разбираемой книжке с достаточной четкостью и глубиной.

Неясно, какими хронологическими пределами ограничивает свой обзор В. Л. Комарович. Иногда он захватывает и довоенное время, — что и правильно. Однако, старая, дореволюционная литература констатирована неполно и как-то случайно.

Затем в распределении материалов не выдержана система. Неясно, напр., почему книга В. Астрова 1914 года излагается после книги Ювия Никольского 1921 г.

Оценка и характеристика у Комаровича часто туманны, уклончивы. Вот он хочет осведомить читателя о статье Э. Радлова «Соловьев и Достоевский», — и мы читаем: статья, «кратко пересказывая внешнюю историю личных сношений Достоевского с Соловьевым, уясняя затем характер их взаимного обаяния («Достоевский искал... в Соловьеве

отвлеченное оправдание своих мыслей, Соловьев же находил в Достоевском... неожиданные и логически не оправданные откровения»), противопоставляет, наконец, друг другу, в беглом очерке, философские воззрения обоих мыслителей». Вот и все. В чем тут «взаимное обаяние» и чем противопоставляются философские воззрения Влад. Соловьева и Достоевского, и верно ли это изложено Радловым, — автор умалчивает. Указав, что честь открытия философской содержательности Достоевского «беспорно принадлежит А. Л. Волынскому, В. Розанову, Д. С. Мережковскому, А. С. Глинке» (Волжскому) и, признав, что «в свое время опыты эти были явлением значительным и плодотворным», Комарович делает только одну оговорку: «Они грешат, однако, неизбежными—в то время—погрешностями: поспешностью обобщений, слишком беглой записью как бы налету схваченных впечатлений». Что у Мережковского, или Розанова, или Волынского было много фельетонной хлесткости и манерности, это, конечно, верно. Но неужели современный исследователь может оговорить в них единственно только «поспешность обобщений» и «беглую запись впечатлений»? И почему это девятисотые годы были тем временем, когда это было «неизбежно»? Замечена Комаровичем юношеская склонность Юрия Никольского к философской стилизации столкновений Достоевского с Тургеневым—в духе идеалистических умствований С. Франка и Н. Лосского (стр. 48, 58 и др. у Никольского).

Впрочем, на идеалистические стилизации Достоевского наш автор реагирует вообще вяло. Изложив талантливую, но весьма «умозрительную» статью Вяч. Иванова «Достоевский и роман-трагедия», Комарович включает: «Здесь собраны и как бы связаны в один узел все проблемы дальнейших работ о Достоевском, при чем три основных метода, применяемых при изучении Достоевского,—философский, биографический и, скажем, «формальный»,—

друг другу внутренне соподчинены». Неужели-таки все проблемы? Социологическая проблема, однако, у Вяч. Иванова отсутствует.

Она, впрочем, отсутствует и в проблематике самого Комаровича.

В этом отношении характерно то обстоятельство, что, заботливо и длинно пересказывая часто совсем заурядные, бесцветные работы (напр., статью А. Скафтымова: «Тематическая композиция *Идиота*» — повесть «психологической» мережковщины и непереваренного «формализма»), Комарович совершенно замалчивает книгу о Достоевском В. Ф. Переверзева, вышедшую двумя изданиями. Для Переверзева не нашлось не только оценки или хотя бы пересказа, но даже библиографического указания. Замолчены и другие опыты марксистского изучения Достоевского.

Отсюда понятно, какое искажение всей методологической и историографической перспективы оказывается в книжке. Социологический, точнее говоря, марксистский метод не нашел себе места в обзоре—ни в итогах, ни в заданиях.

Что касается заданий или проблематики, то и вообще читатель остается в неведении, как тут мыслит Комарович. Неясно, куда же именно, к каким очередным темам должны направиться новые исследования в области биографии, психологии, литературной традиции, художественного творчества Достоевского.

Итак, книжка не оправдывает ожиданий, возбужденных и ее предметом и ее автором. Но, разумеется, будучи отличным знатоком Достоевского, Комарович сумел все же сказать в ней немало полезного. Многие разбросанные здесь критические его суждения будут с пользой восприняты специалистами-словесниками. Рядовому читателю она скажет мало, в чем будет виноват и язык книжки, довольно вычурный (пример: «эта сердцевина в каждом из них только через столкновение со своим антиподом и достигает своего полного обнажения»).

Н. Писанов.

Редакторы { А. В. Луначарский.
И. И. Степанов-Скворцов.

Издатель: Издательство «Известий ЦИК СССР и ВЦИК».